

A photograph of a street scene on a foggy day. The foreground shows a wet sidewalk and a row of trees. In the background, there are buildings and a person walking. The text is overlaid on the right side of the image.

ЛАРИСА ЙООНАС

МЛАДЕНЦЫ БЕЗУМНОГО ГРАДА

Лариса Йоонас
Младенцы безумного града

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22759510

ISBN 9785448367250

Аннотация

Младенцы безумного града – вторая книга автора из Эстонии Ларисы Йоонас. Основу книги составили стихотворения 2005—2009 годов. Фотографии автора.

Содержание

«пришедшие с полей живут вечерним чаем...»	5
«Снятся люди, сошедшие с тропы времени...»	7
«Язык – это средство коммуникации...»	9
«Мы в прошлом, дети надежды...»	11
«мне улицы твои как корабли шальные...»	13
«полторы улицы холодного света...»	14
«Нас объединяют мертвые, мы...»	15
«Мне уже так не хватает света, запахов...»	17
«Песок течет иссохшим горлом...»	20
«зеркало...»	22
«Нет, не дели нас на чистых и не-...»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Младенцы безумного града

Лариса Йоонас

© Лариса Йоонас, 2017

ISBN 978-5-4483-6725-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«пришедшие с полей живут вечерним чаем...»

пришедшие с полей живут вечерним чаем
от ходиков туман и навзничь тишина
настырный дух печной сочится нескончаем
и кошка крендельком и изгородь окна

кто счастлив глух и нем того ласкает ведро
тому всегда к столу и золото в суму
он дышит напролом и небо держит твердо
и сотворяет свет и хлев поет ему

возлюбленные дни почти из колыбели
неугомонный свет и посередь стола
как чечевичный суп растут цветы и ели
и огонь звенит огнем и всласть колокола

я рядом я почти лишь отдаленным словом
я тоже возле вас и воздаю хвалы
мой праздничный обед всегда стоит готовым
но съесть его никак и руки тяжелы

кто зван и кто не зван глаза в глаза не видя
не различаю звук не знаю наперед
кто верный кто чужой за кем войдет и выйдет

и заберет от нас и память нам сотрет

«Снятся люди, сошедшие с тропы времени...»

Снятся люди, сошедшие с тропы времени,
никогда не имевшие электронных адресов.

Люди, которые просыпаются от комариного звона
занавески, зажатой ветром в зубах.

Свет раздергивается с металлическим скрежетом,
обнажается рябь небес.

В их домах ничего не случается само по себе: чайник
не пляшет, откашливаясь,
он медленно плавит воздух, собравшийся
на закопченном дне.

Запах кофе жарок и плотен; чашка останется недопитой,
когда ее отставят, она будет отражать звезды, упавшие
в кофейный колодец.

Этого никто не увидит, но тайны обязательны
к существованию.

В таких домах вещи живут сами по себе.

Они сохраняют запахи даже после стирки.

Сложенные в шкафу, доживают до смерти хозяев,
ослепшие и глухие, слезавшиеся в камень.

Наследники опасаются к ним прикасаться,

кажется, что это войско старости, а старость – заразна.

В таких домах встречаются предметы с другой стороны света —

лыжные куртки и фарфоровые собаки, кладовки со сладким запахом старых книг.

Звуки приходят туда по отдельности, не смешиваясь, сухие и гулкие.

Я еще стою под окнами, я еще машу рукой, видя потолок с потушенной лампой.

Но время прошло, и мы опять не встретились.

«Язык – это средство коммуникации...»

Язык – это средство коммуникации.

Что говорит тобой, когда ты говоришь на своем языке?

Вот мое время,

тикающее у меня на языке.

Когда я говорю на моем языке,

мои белые лилии, тускло светясь,

вырастают на моем языке.

И твои пилигримы бредут моим языком,

собирая оконный свет,

и оконный свет бел и желт, он тает на моем языке.

И мои барханы, влажные, пляшут у меня на языке

теньями людей, бредущих почти налегке;

ворсистое море горячего воздуха

растворяется на моем языке.

Малые дети молчат на моем языке,

белые трубы извергают тьму на моем языке.

Мои сладкие нити мыслей, замешанные пустотой, звучат

на моем языке.

Наши пальцы слаженны и двигаются в такт,

отмеряя время, скатанное в жгуты,

разделенное на слова одинаковой густоты.

Но почему это небо, которое там вдалеке,
оно по-прежнему ясное только на моем языке,
я не слышу других слов, у меня на языке
мой язык, заплутавший в моем языке.

«Мы в прошлом, дети надежды...»

Мы в прошлом, дети надежды,
воспитанные тишиной,
шнурки вдевавшие в небо,
простреленное страной.

На наших синих пилотках
артековская война,
застывшие слезы в горле —
у вечного огня.

Мы в прошлом, прошлые внуки,
забывшие быть начеку,
нам горнов рассыпаны звуки
по черствому куску.

Я чибиса-птицу не помню,
а мальчик сказал – навсегда.
Мой ранец бедой переполнен,
но наш паровоз – не беда.

Какие мы выросли злые,
откормленные на убой!
А те, что летели, уплыли
в осенней дали голубой.

«МНЕ УЛИЦЫ ТВОИ КАК КОРАБЛИ ШАЛЬНЫЕ...»

мне улицы твои как корабли шальные
где жив умерших стон где ласточек звонок
я возвращаюсь пусть мы жили врозь иные
но кораблей моих здесь запад и восток

куда не посмотри повсюду мир армада
железная страда и глохнущая грязь
а здесь прозрачный сад и полумрак заката
не страшно до сих пор и жили не боясь

как вплыл в безумный мир неважно не известно
а уж плывешь не спишь туманная стезя
пытаешь злой эфир но в нем и пушкам тесно
и хочешь а никак и можешь а нельзя

но возвращаясь вновь к твоим обильным рекам
к бессменным родникам из вымытых пластов
я понимаю то что просто человеком
я не могу уже

и зверем не готов

«полторы улицы ХОЛОДНОГО СВЕТА...»

полторы улицы холодного света
синие гланды опухшего неба
глотай эту горечь ни на что не сетуй
снег лимонной коркой озноба

разделяй дольки по сочным окнам
кислота жжёт бездвижные связки
на меня опять глядят в оба ока
из щелей снеговой повязки

больной город как тебе спится
горошины мостовых камни в глотке
из глаз моих фонари вынимают спицы
для твоей золотой клетки

«Нас объединяют мертвые, мы...»

Нас объединяют мертвые, мы
разрозненные, мерзнем на этой земле,
а они все вместе – в облет зимы
на своем единственном корабле.

Мы все думаем, что они вверху
или внизу, а они везде —
время, изъеденное в труху,
черным и жирным лежит в борозде.

Наши мертвые снятся нам
телами, сплетающимися в пыли,
как травы, подобные письмам,
каждый год выползающие из земли.

Мы их, не читая, закапываем назад.
Что там было написано: вы не одни?
Любите друг друга? Посмотрите в глаза?
Нет, чтобы просто сказать, что за.
Или против.
Но они немые.
И мы – не они.

«Мне уже так не хватает света, запахов...»

Мне уже так не хватает света, запахов,
звуков, которые разносятся в предвечернем воздухе,
влажном и землянистом,
истончившемся перед сумеречностью, разделенном
на молекулы,
зернистым, искажающим пропорции.

В городе тишина, мир обращен в телевизор.
В кольцо Мёбиуса, в котором
две стороны взгляда и одна сторона пути.

Звук летит обоюдоострый,
но тоже разреженный и тонкий:
это шумят заводы за далекой чертой,
конвейеры скрежещут, транспортеры глохнут, крича,
шаровые мельницы стучат, и воют черные трубы, полные
неровного огня.

Там отсвет падает на стены, выкрашенные синим,
там шахты проникают в твердь, выдолбленную для
черных маслянистых колыбелей, качаемых металлом.
Там земля не имеет формы, она вещь и средство,
материал и сырье, недра и полости,

пустота вместо тела.

Там черное и красное, огневое и чугунное,
свист срезаемых заклепок и всхлип измученных
клапанов.

Остановись, железо, ты прекрасно,
ты мурашки по коже, ты молох, сжигающий небо,
я трепещу,
я восхищаюсь
этой мускулистой оплетенной плотью,
этой черной мертвенной силой.

Но ты, земля,
разве ты не должна быть покрыта травой,
цветами и влагой,
бесшумно, бесцветно, размыто, осторожно,
почти невидимо.
Едва белым, едва соленым, чуть прозрачным,
трепетным, туманным, неосязаемым?

Мое тело настроено понимать тончайшие звуки,
неуловимые запахи.
Но эти сырые пути в тебе, длинные сквозные коридоры,
скользкие влажные стены,
твое воспаленное сердце,
твои сосуды, заросшее солью и гнилью,
я их слышу – гудящие и стонущие
в этом выцветшем воздухе
далеким звуком, неверным, ненастоящим.
Ноги мои по колено в тебе,

увязаю, глохну, закрываю уши.

Неподъемное небо смотрит мимо нас.

«Песок течет иссохшим горлом...»

Песок течет иссохшим горлом,
И звуки глохнут в тишине.
И этот город, этот город,
Как целый мир, болит во мне.

Его неровное дыханье
Морской пропитано травой,
И небо плещется в лохани
Нелепой пены дождевой.

Мы здесь, наверное, на страже,
Мы отмеряем век земной.
Но что-то снова мелом мажет
И на живую шьет портной.

И все равно концы обрежет
И криво и наискосок.
И переставит нас небрежно,
Когда осыплется песок.

«Зеркало...»

зеркало
поднесенное к губам
остаётся чистым
наконец-то образ ничем не замутнен
но некому это увидеть

**«Нет, не дели нас
на чистых и не-...»**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.